УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.25

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДОВ

© А. Н. Беляев

Бакирский государственный аграрный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450001 г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34.

Тел.: +7 (347) 228 91 77.

Email: anbelajew@mail.ru

В статье изложены некоторые предварительные итоги исследования топонимов Северо-Запада Германии и Нидерландов. Автор приводит и критически рассматривает основные гипотезы, выдвигаемые зарубежными лингвистами в отношении топонимического субстрата в исследуемой области. Основное внимание уделяется гипотезе Х. Куна о «северо-западном блоке». Показано, что ни одна из рассматриваемых гипотез полностью не согласуется со всей совокупностью известных к настоящему времени фактов. Основные положения теории догерманского субстрата Северо-Западной Германии остаются неясными, декларативными, противоречивыми или просто надуманными. Показано, что германо-балтийские топонимические связи характерны для периода древнеевропейской гидронимии. Делается вывод о том, что решение проблемы топонимического субстрата должно согласовываться с результатами исследований миграционных процессов, культурных связей с соседями, археологическими данными.

Ключевые слова: немецкий язык, имена собственные, топонимы, субстрат, германские топонимы, древнеевропейская гидронимия, балтийские топонимы.

Интенсивное изучение собственных имен многих современных языков сделало возможным выяснение общих закономерностей организации ономастических систем конкретных языков [1–5], а в перспективе – и выяснение универсальных закономерностей ономастики.

Среди многочисленных топонимических исследований особое внимание заслуживают работы, в которых ставятся вопросы изучения реликтов вымерших языков и разрабатывается методика обнаружения субстратных топонимов, см. [6–10].

Различные аспекты проблемы топонимического субстрата в германском дискутировались на протяжении всей истории сравнительно-исторического языкознания, а некоторые из них и поныне продолжают оставаться спорными и неразрешенными. Дискуссионными оказываются такие кардинальные вопросы, как количественные показатели топонимов неиндоевропейского происхождения в германском, отношение субстратных топонимов к заимствованному, их семантическая и функциональная нагрузка, стратификация, ареал распространения и другие. Некоторыми учеными ставится под сомнение даже сама теория языкового субстрата, разяснявшая в начале прошлого века такие существенные и характерные явления, как первое передвижение согласных, закон Вернера и изменение системы ударения в германских языках. Очень здраво и сейчас звучит суждение, что теория субстрата «не может быть ни подтверждена, ни опровергнута историческими данными и должна оцениваться только с точки зрения степени ее собственной убедительности» [11, с. 30–31]. В последнее время у лингвистов все более отчетливо создается впечатление о зыбкости понятия субстрата в отношении германского [12, с. 161].

Однако материалы междисциплинарных исследований, прежде всего, в области археологии и генетики, свидетельствуют о том, что ряд общегерманских слов, обозначающих, прежде всего, местный ландшафт, флору и фауну, могли быть заимствованы из неизвестного субстрата. Археологическим коррелятом этого субстрата (или субстратов) может быть культура воронковидных кубков (4000–2700 гг. до н. э.), а генетическим коррелятом – хромосомная гаплогруппа I1, а возможно и I2b [13, с. 511].

Дискуссионным выглядит вопрос о том, какие уровни языковой системы испытывают наибольшее воздействие первоначальной системы речи населения, усваивающего чужой язык. В специальной литературе по этой проблеме можно найти две противоположные точки зрения. Согласно первой, в центре внимания теории языкового субстрата находится обычно лексика и некоторые словообразовательные элементы. В области интонационного строя предложения, порядка слов, акцентологии, фонетической системы влияние иноязычного субстрата незначительно. Как правило, он не затрагивает ни основного словарного фонда, ни грамматического строя, тем самым не внося существенных изменений в систему языка-победителя [14, с. 59]. Другая точка зрения исходит из того, что из субстрата (т.е. при смене языка) заимствуются в первую очередь не слова, а фонология и синтаксис, а лексических заимствований бывает мало. См., например [15, с. 101, 121]. Типология субстратов показывает, что количество субстратных слов минимально и их значение связано обычно с особенностями природы и деятельности населения, сменившего язык [13, с. 513].

Что касается топонимического субстрата с его точной локализацией и значительной устойчивостью, то он выделяется сравнительно легко [6, с. 87]. Однако и здесь могут возникнуть свои трудности.

Все эти обстоятельства привели нас к необходимости еще раз обратиться к вопросу о субстрате германского, не подвергая сомнению главный тезис, согласно которому существование бессубстратных территорий сомнительно или они по крайней мере редки [6, с. 84]. Нисколько не претендуя на полноту и глубину изложения теории субстрата в германском (см. [13]), нам хотелось бы высказать по этому вопросу лишь некоторые критические замечания, привлекая к анализу, прежде всего, топонимический материал северо-западной области Германии и сопредельных с ней территорий других государств.

Главное внимание в настоящей статье будет уделено так называемому «северо-западному блоку» (Nordwestblock) – области, для которой по-прежнему существует проблема отграничения догерманских топонимов от германских. Идея существования в III–I тыс. до н. э. культурного региона или археологической культуры, получившей в научных кругах название северо-западного блока, возникла в середине прошлого века у историка Р. Хахмана, археолога Г. Коссака и активно разрабатывалась немецким лингвистом Х. Куном, которые, в свою очередь, продолжили работу бельгийского лингвиста М. Гисселинга, см. [16–18]. Границами распространения северо-западного блока считаются реки Аллер, Верра, Сомма и Уаза на территории современных Нидерландов, Бельгии, севера Франции и западной Германии.

В связи с вышесказанным возникает необходимость освещения таких вопросов, как 1) какие топонимы могут быть отнесены к неиндоевропейскому субстрату? 2) каковы возможные критерии разграничения неиндоевропейского топонимического субстрата от индоевропейского? 3) достаточны ли различия между аффиксальными и сложными структурами топонимов для их взаимного разграничения и отнесения их на этом основании к хронологически различным стратам?

В истории вопроса о негерманских или даже неиндоевропейских топонимах Центральной Европы, в частности, Северо-Запада Германии, Голландии, Северной Бельгии, высвечиваются несколько эпох с присущей каждой из них модой на определенные версии. Так, во второй половине XIX в., этимологическими изысканиями зарубежных лингвистов серьезно овладела кельтомания: происхождение всех «темных», этимологически непрозрачных топонимов приписывалось таинственным кельтам. Ю. Удольф замечает, еще и сегодня письма читателей в крупные газеты свидетельствует о том, как сильно была поражена общественность вирусом «кельтомании» в двадцатые и тридцатые годы XX в. и частично также и теперь [19, с. 185].

Пользовавшихся у лингвистов большой популярностью кельтов сменили еще менее уловимые лигуры, населявшие в середине I тыс. до н. э. северо-западную Италию и юго-восточную Галлию. Лигурскую гипотезу выдвинул французский ученый, специалист по кельтским языкам, древней и средневековой истории Европы, Арбуа де Жюбенвиль. Он попытался в лице лигуров отыскать догерманский субстрат индоевропейского происхождения на обширных территориях Франции, в южных и западных областях Германии вплоть до Нижней Эльбы, а также в Италии, на Сицилии и на Пиренейском полуострове. Согласно его гипотезе, гидронимы *Weser*, *Wümme* (< *Vimina*), *Stör* (в Шлезвиг-Гольштейне), *Trave* (*Dravina*) представляют лигурский гидронимический субстрат. В дальнейшем идею лигурского субстрата поддержали и другие ученые, прежде всего, В. Оэль (1935/1936). Х. Классен считал лигурский язык неиндоевропейским и относил к нему гидронимы *Maas* и *Schelde*, в устье Рейна *Waal* и *Lek*, *Wamme* в нижнем течении Везера, юж.-нем. *Lech*, *Rhone* и *Isère*; в южной Франции *Durance*, *Argens*, *Aubance*; в Эльзасе *Leber* и *Ergers* (притоки р. Илль); далее *Wörnitz*, *Rednitz*, *Pegnitz*; *Murg* в Бадене, *Saar*, *Ruhr*, *Sauer*. К лигурскому субстрату он также относил широко распространенный тип речных названий в Западной Европе на *-apa*. К ним же он относил ойконимы и антропонимы с *p* в анлауте: ойконимы *Parra*, *Parrodunum*, антропонимы *Petto*, *Plaucus*, *Pauto*, *Pennauius*.

Поскольку ни одна из предлагаемых в ту пору гипотез полностью не согласуется со всей совокупностью известных к настоящему времени фактов, в настоящей статье мы ограничились в основном кратким рассмотрением наиболее интересных гипотез, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме.

Гипотеза М. Гисселинга базируется, в отличие от ранее выдвигаемых гипотез, на более надежных и обширных языковых материалах, в основном на *Топонимическом словаре Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Северной Франции и Западной Германии* [20], в котором собран ценный топонимический материал рассматриваемых областей вплоть до XIII в. В своих многочисленных публикациях М. Гисселинг отстаивает тезис, согласно которому многие древнейшие топонимы северо-западного блока, за исключением Фрисландии, по своему происхождению не являются ни кельтскими, ни германскими, а принадлежат двум родственным, как он полагает, языковым субстратам. Северный языковой субстрат он считает близкородственным протолатинскому, следы которого обнаруживаются на Северо-Западе Германии и в районах Северной Галлии. Проявление южного субстрата возможно увидеть на территории *треверов*, галльского племени, жившего по обоим берегам Мозеля. Северный субстрат сохранил индоевропейские *p* и *k* для него характерно также обилие суффиксов (*-ana-*,

-ania-, -ara-, -arna-, -aba-, -ant-, -awo-, -asa-, -ala-, -eya-, -ante-, -ak-, -akia-, -ast-, -at-, -ask-) и сильное варьирование гласных в предпоследнем слоге. М. Гисселинг предложил называть северный языковой субстрат «бельгийским», с чем справедливо не соглашается Г. Нойман. Обращаясь к высказыванию античного историка и географа Римской Греции Страбона (4, с. 176) о языковой ситуации в Галлии, Г. Нойман отмечает, что языковые различия были не слишком велики, чтобы на их основании можно было говорить о двух разных языках. Скорее всего, речь должна идти о диалектном варьировании на данной территории. Данные ономастики также указывают на принадлежность *белгов* к континентальным кельтам [21, с. 30].

Не останавливаясь надолго на идее И. Девлишоуэра, сразу отметим, что его исходная гипотеза должна быть признана неверной. Он утверждает, что на севере и востоке Галлии кельтский якобы был наслоен на один из уральских языков, близкий по своей звуковой системе прасаамскому языку. Часть населения Северной Галлии, назвав ее «альпины», он считает близкородственной финно-угорскому народу саамы, следы которого сохранились якобы не только в географических названиях, но и в апеллятивной лексике. Им приводятся многочисленные случайные соответствия. Например, гидроним *Maas* (лат. *Mosa*) родственен саам. *māssuō* ‘переворачивать, катить’; *Sensé* (лат. *Sate*), правый приток Шельде, восходит к саам. *šacce* ‘вода’, остяк. *seč* ‘прилив’; *Ain* (ср.-лат. *Ignem, Ignis, Innis*, др.-франц. *Enz*) к фин. *enä* ‘большой’. Многократно встречающиеся ойконимы *Waret* объясняются им из саам. *varre* ‘гора, лес’. Из апеллятивной лексики франц. *pot* ‘горшок’ сопоставляется с фин. *pata* ‘горшок’, франц. *pièce* ‘кусок; часть’ к фин. *pätkä* ‘обрывок, кусок’; франц. *motte* ‘ком земли, кочка, глыба’ и итал. *motta* к фин. *maa* ‘страна, земля’, прауральской формой которых является **maue*. Валлонское *tchîwe* ‘висячий камень, сталактит’ восходит к угро-фин. **kiwe* (фин. *kivi* ‘камень’).

Острую полемику до сих пор вызывает гипотеза Х. Куна о «северо-западном блоке». Она гласит, что германские племена продвигались вперед в южном и западном направлениях по двум далеко стоящим друг от друга путям. В результате нашествия нервов (*Nervii*) и зарейнских германцев с правого берега р. Аллер вдоль побережья Северного моря была якобы полностью германизирована область в бассейне р. Шельде. В результате южного натиска германцы продвинулись с берегов Рена до Нижнего Майна. Таким образом были охвачены правый и левый фланги противника, проживавшего на территории между Аллером и Рейном. В этом кольце блокады на длительное время оказались какие-то племена, говорившие на негерманском (и некельтском) языке. Переход на германский язык совершился не сразу, без резких скачков. Х. Кун полагал, что северо-запад Германии, а также Ни-

дерланды, Бельгия и север Франции были германизированы в тот период, когда первое передвижение согласных в основном уже закончилось. Это и позволяет Х. Куну считать, что многие топонимы и антропонимы, а также апеллятивная лексика, сохранили индоевропейский фонетический строй, после чего и были заимствованы в германский. Эта «третья народность», некая группа населения «между германцами и кельтами», говорила на индоевропейском диалекте, в котором сохранились более древние неиндоевропейские элементы. Х. Кун рассматривал ее как «последних представителей западной группы индоевропейского», которая осталась после этногенеза германцев и кельтов. Х. Кун называет, прежде всего, номинальные суффиксы *-st-*, *-ndr-*, *-ey*, характерные для топонимов «северо-западного блока»; но также и топонимические сложения с основой *apa* ‘вода’. Среди антропонимических суффиксов он выделяет *-iso/-isa*, *-k-* и, наконец, особенно частые для имен этого блока в анлауте глухие согласные *p-*, *t-*, *k-*.

Аргументы в защиту этой гипотезы приводят следующие. Фонема *b* в индоевропейском сравнительно редка; она не встречается ни в одном важном суффиксе и ни в одном окончании; она вторичного происхождения в части тех слов, где встречается; так скр. *pibāmi* ‘пью’, др.-ирл. *ibim*, лат. *bibō* (с начальным *b* под влиянием ассимиляции) есть древняя форма с удвоением, при скр. *pāhi* ‘пей’, лат. *pōculum* ‘чаша’. Другие слова – звукоподражательные, как лат. *balbus* ‘заика’ и т.д. Иные слова ограничены немногими языками и имеют вид поздних заимствований [22, с. 115]. Поэтому предполагается, что нижненемецкие топонимы с *p* в анлауте негерманского происхождения. Кельтский как источник при этом также исключается, так как в нем исчезло старое индоевропейское *p*. Х. Кун приводит названия населенных пунктов *Peine* (старое *Pagin*), *Paderborn*, *Plore*, *Petze* и т.д., гидронимы *Pfiefe*, *Pleis*, *Perf* и многие апеллятивы. Подобное положение вещей выглядит следующим образом: унаследованная пустая клетка в системе фонем была заполнена в германском в течение длительного периода материалом различного происхождения: в результате заимствования, например, из латинского *pondus* > *pund*; далее предположительно в результате нижнесаксонского усиления *b* > *p* (например, *bluisteren* ‘flüstern’ > *pluisteren*), которое характерно как раз для имен собственных, но так же проявляется в заимствованных словах ср. роман. *bosteie*, нем. *Bastei* ‘бастион’ к *posteie* и т.д. [21, с. 17]. Остается открытым вопрос, могут ли быть в данном случае языковые закономерности строго локализованными и выступать в качестве специфически внутренних признаков и свойств предполагаемого языка. В близкородственных языках также имеются уникальные явления, присущие только одному из них. В этой ситуации, как справедливо отмечает Г. Нойман, приобретает особую важность разработка вопросов,

связанных с предварительным анализом исторически засвидетельствованных форм [21, с. 17].

В проблематике «северо-западного» блока особо выделяются исследования последних лет, в которых говорится о необоснованности главных аргументов Х. Куна и его сторонников [23, с. 942]. К аналогичному выводу приходит У. Тимерман. Основные положения теории догерманского субстрата остаются неясными, декларативными, противоречивыми или просто надуманными. В частности, для южных областей Фрисландии гипотеза Х. Куна опровергается археологическими, а *a fortiori* ономастическими фактами [24, с. 355].

Для нас остается значимым вопрос о происхождении топонимов на *-apa*. После того как Х. Дитмайер [25] после тщательно проведенного анализа заключил, что 83% всех доступных ему названий на *-apa* являются по своему происхождению германскими, неоднократно предпринимались серьезные попытки исследования этого вопроса с привлечением нового материала. Если попытаться в общих чертах изложить основные моменты этой дискуссии, то необходимо остановиться на следующих двух моментах. Во-первых, факт продуктивности в германском топонимическом сложении не подлежит сомнению. Это подтверждают такие топонимы, как *Braunlauf* (915 г. – *Brunafa*) или *Waterop* (Лимбург) и многие другие. Во-вторых, уже Х. Дитмайер признавал, что 8,9% топонимов на *-apa* негерманского происхождения. Отнесение древнейших *apa*-топонимов к догерманским стратам, будь то к негерманскому северо-западному блоку Х. Куна или к древнеевропейской гидронимии Х. Краэ, все сильнее осознается современными исследователями, в отличие от Х. Дитмайера. При этом, однако, проявляется та же крайность, что и с кельтами – ученые ограничиваются, как правило, материалом Западной Европы. Поэтому нельзя не упомянуть исследования В. П. Шмида, который в решении этого вопроса опирается на широкую индоевропейскую основу, привлекая для анализа топонимический материал балтийских языков [26]. В балтийском германская основа *-apa* сопоставляется с др.-прусс. *‘vliz’*; ср. ойконимы и гидронимы: *Ardappen*, *Auclappen*, *Caumenape*, *Kirsappen*, *Kirsnappe*, *Laukappe*, *Nyscappe*, *Perapien*, *Rinappe*, *Serappin*, *Seranappe*, *Stekelappe*, *Swerepe*, *Wangrapia*, *Wogenapp* [27]; *apus* ‘источник, родник’, лтш. *upe* ‘река, ручей’, *upelis* ‘небольшая река’, *upis* ‘ручей, болотистая низменность в лесу’ [28]. Основа может выступать в качестве самостоятельного названия реки (*Upe*, *Upele*, *Upelis*, *Upeliukas* и др.), а также в качестве второго компонента сложного гидронима. Существующий параллелизм балтийских названий с названиями на *-apa* на северо-западе Германии В. П. Шмид объясняет вытеснением в балтийском продуктивной гидронимической основой *-ape*, *-ipe* архаичное *-aka* < **akʷā*, в то время как в германском наоборот *-aha* < **akʷā* наслои-

лось на более древнюю основу [26, с. 142]. Исходя из этих фактов, В. П. Шмид приходит к выводу, что в немецкоязычном ареале топонимы на *-apa*, не объясняемые из германского, имеют надежные соответствия с балтийскими гидронимическими сложениями с основами *-aka*, *-ape*, *-ipe*. Общие начальные компоненты, в виду невозможности объяснения ни балтийскими языками, ни германскими языками, вероятно, догерманского и добалтийского происхождения, т.е. принадлежат древнеевропейской гидронимии. Это подтверждается имеющимися параллельными композитами на *-apa* в германском и балтийском ареалах.

1. В германском ареале: **Alapa* : *Alpe* (→ *Aller*, 788 *Alapa*), *Alpe* (Lippstadt, о. J. *Alapa*), *Olpke* (*Alepa*); *Elpe* (Schaumburg, 1269 *Alipe*); *Alpfen* (Waldshut, Baden, 858, *Aloffa*, 866 *Alapfa*).

В балтийском ареале: лит. *Alupė* (л. пр. Kernavė, 2. → Merkus); лтш. *Alupe* (Kalncempji; Skujine).

Эти гидронимические композиты принадлежат известному типу древнеевропейских гидронимов *Ala* со многими суффиксальными производными. Примечательно, что лтш. *Ala* протекает в той же местности, что и *Alupė* и что *Aller*, в который впадает речка *Alpe*, также является производным названием от корня *al-*.

2. **Arap* : *Arpe* (→ *Wenne* → *Ruhr*), *Arfe* (→ *Eder*) и другие.

Лит. *Erupis* (→ *Gausantė*); лтш. *Arupe* (Lajasciems).

Литовский гидроним представляет, возможно, форму по аблауту, а не диалектный вариант. Эти гидронимы принадлежат к известной древнеевропейской *Ara*-группе (см. [29, с. 45]).

3. **Arnapa* : *Erft* (→ *Rhein* ок. Neuss, VII в. *Arnefa*, 802/15 *Arnapa*).

Лит. *Ernupis* (Kaltinėnai).

Оба гидронима также принадлежат к широко распространенному расширению с суффиксом *-n*: **Arna*.

4. **Asapa* : *Asphe* (Marburg); *Aspe* (Lippstadt, 1338 *Assepe*); *Aspe* (пустошь ок. Brilon, 1120 *Assaba*, 1169 *Ahsepa*).

Лит. *Asupis* (→ *Kuryš*); *Asupys*; лтш. *Asupe* (Susēja, Saula).

Сопоставление **Asapa* с лит. *Asupis* делает невозможным этимологизацию гидронима в немецком ареале от немецкого *Espe* ‘осина’. Балтийский не допускает сравнения с др.-инд. *asita* ‘черный’, если оба этимона восходят к *ns-* [26, с. 143].

5. **Ailapa* : *Eilper Bach* (Mackinger Bach → Selbecke → Volme → Ruhr), (XII в. *Eilepe*, XV в. *Eylepe*).

Лит. *Ailupis* (→ *Nerys*).

Эти гидронимы позволяют реконструировать герм.-балт. **ailā* (ср.: 930 *Arla* → *Salzach*; *Ula* (< *Aula*) → *Merkus*, лтш. *Aula*; прусск.-лит. *Aulė*; **Eisla* > лит. *Ieslā* [Kaunas], *Isla* [Polen]; 765 *Iselam fluvium*).

В свете приведенных фактов и соображений представляется возможным предположить, что основным фактором, оказавшим воздействие на развитие рассмотренных выше речных названий на *-ara* в германском ареале, оказались специфические реальные условия взаимодействия германских племен с носителями восточно-индоевропейских языков. Такое предположение находится в полном соответствии с известным общелингвистическим положением о воздействии внеязыковых факторов на языковую структуру. Проблема включения *ара*-топонимов с непередвинутым *-p-* в германский должна решаться на более широкой основе, привлекая для этой цели материал из других индоевропейских языков, в частности, балтийской гидронимии. Предположение В. П. Шмида о том, что древнейшие названия этой группы являются составной частью древнеевропейской гидронимии, подтверждается также тем фактом, что аналогичные формы для номинации водных объектов носили небольшие по величине речки и водотоки.

На основании сказанного можно сделать и общий вывод о том, что топонимические субстратные явления должны рассматриваться наряду с миграционными процессами и культурными связями с соседями, представляя собой важнейший источник для реконструкции древних этнических процессов в германском мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ. 2001. 239 с.
2. Мурашов Р. З. Имя собственное в современном немецком языке. Уфа: БГУ, 1983. 76 с.
3. Мурашов Р. З. Топонимы в словообразовательной системе современного немецкого языка // Вопросы языкознания. 1986. №4. С. 70–81.
4. Мурашов Р. З. Имена собственные в системе языка: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 128 с.
5. Уразметова А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на мат-ле топонимической лексики Великобритании и США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2016. 38 с.
6. Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 86–95.
7. Матвеев А. К. Ономотология. Отд-е ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2006. 292 с.
8. Кабинина Н. В. Топонимические реликты Нижнего Подвинья (Лодья, Оногра, Соломбала) // Вопросы языкознания. 2009. №1. С. 111–117.
9. Кабинина Н. В. Метафорические названия в субстратной топонимии Архангельского Поморья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №3(15). С. 17–24.
10. Карыпкина Ю. Н. Древний топонимический субстрат Великобритании (языковая интерпретация) // Научно-педагогический журнал Magister Dixit. 2011. С. 124–140.
11. Ильиш Б. А. История английского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: «Высшая школа», 1968. 419 с.
12. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. 489 с.
13. Кузьменко Ю. К. К вопросу о неиндоевропейских субстратах в германском // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2013. №17. С. 511–535.
14. Горнунг Б. В., Левин В. Д., Сидоров В. Н. Проблема образования и развития языковых семей // Вопросы языкознания. 1952. №1. С. 41–64.
15. Hirt H. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache: Darstellung des deutschen Wortschatzes in geschichtlicher Entwicklung / Von Herman Hirt. 2. verb. u. verm. Aufl. München, 1921. 436 S.
16. Kuhn H. Vor- und frühgermanische Ortsnamen in Nord-Westdeutschland und in den Niederlanden // Westfälische Forschungen 12. 1959. S. 5–44.
17. Kuhn H. Völker zwischen Germanen und Kelten: Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördl. Westdeutschlands um Christi Geburt / Rolf Hachmann; Georg Kossack; Hans Kuhn. Neumünster: Karl Wachholz, 1962. 144 S.
18. Meid W. Hans Kuhns „Nordwestblock“-Hypothese: zur Problematik der „Völker zwischen Germanen und Kelten“. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften. 1984. 21 S.
19. Удольф Ю. Славяно-германские связи в северо-немецких топонимах // Этимология. 1997–1999. М.: Наука, 2000. С. 185–191.
20. Gysseling M. Toponymisch Woordenboek van Belgie, Nederland, Luxemburg en West-Duitsland (vóór 1226). Bd 1–2. Tongeren, 1960.
21. Neumann G. Substrate im Germanischen? // Namenstudien zum Altgermanischen. Herausgegeben von Heinrich Hettrich und Astrid van Nahl. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 3–25.
22. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. 510 с.
23. Udolph J. Namenkundliche Studien zum Germanenproblem / von Jürgen Udolph. Berlin/New York: de Gruyter, 1994. 1036 S.
24. Timmermann U. Frisia Germanica – auch den Namen nach? // Namenwelten. Orts- und Personennamen in historischer Sicht. Herausgegeben von Astrid van Nahl, Lennart Elmevik und Stefan Brink. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 333–358.
25. Dittmaier H. Das apa-Problem. Untersuchungen eines westeuropäischen Flussnamentypus. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1955. 99 S.
26. Schmid W. P. Linguisticae Scientiae Collectanea: ausgewählte Schriften von Wolfgang P. Schmid. Anlässlich seines 65. Geburtstages hrsg. von Joachim Becker ... Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. 481 S.
27. Gerullis G. Die altpreußische Ortsnamen gesammelt und sprachlich behandelt. Berlin; Leipzig: Vereinigung wiss. Verleger, 1922. 286 S.
28. Невская Л. Г. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 315–373.
29. Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden: Harrsowitz, 1964. 123 S.

Поступила в редакцию 14.10.2019 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.25

SOME PROBLEMS OF STUDYING THE GERMAN NORTHWEST AND NETHERLAND PLACE NAMES

© A. N. Belyaev

*Bashkir State Agrarian University
34 50-letiya Oktyabrya Street, 450001 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (347) 228 91 77.**Email: anbelajew@mail.ru*

The article describes some preliminary results of the analysis of place names of the German Northwest and Netherland. In a number of articles, Hans Kuhn advocated the existence of a large area in northwestern Germany and the Netherlands which for a period of time remained linguistically distinct from the neighbouring Celtic and Germanic speech areas, so that this 'North-West Block' as it became known was germanicized only after or towards the end of the Germanic Sound Shift. Critics pointed out that Kuhn had not paid enough attention to Eastern Europe and the special relationship between Baltic and Germanic in his studies and failed to incorporate a consonant change from earlier Germanic times into his theory. There can be no doubt that Germanic had non-Indo-European neighbours to the east (and north), namely Finnish and Lappish. There are hundreds of Germanic loan words in Finnish alone, and there is non-linguistic evidence suggesting that Finno-Germanic contacts go back to the latter half of the second millennium B.C. Early Germanic loans in Finnish can even be used for controlling reconstructed forms for Proto-Germanic. The Baltic area was gradually revealed as a distinct center of Old European hydronymy which according to Schmid could be interpreted most easily as the result of a mainly uninterrupted continuity from Indo-European to more recent times. To place the Germanic homeland in southern Scandinavia and northern Germany would be compatible not only with the linguistic observations made above but also with the fact that the area in question shows no traces of any other language than Germanic (and Indo-European). Archaeologically, it would be possible to identify this homeland with the so-called Jastorf culture which came to prevail in northern Europe by the middle of the first millennium B.C.

Keywords: German language, proper names, toponyms, substratum, Germanic place names, Old European hydronymy, Baltic place names.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Antyshev A. N. Imena. Nemetskie antropimny [Names. German anthroponyms]. Ufa: BGAU. 2001.
2. Muryasov R. Z. Imya sobstvennoe v sovremennom nemetskom yazyke [Proper name in modern German]. Ufa: BGU, 1983.
3. Muryasov R. Z. Voprosy yazykoznaniya. 1986. No. 4. Pp. 70–81.
4. Muryasov R. Z. Imena sobstvennye v sisteme yazyka: monografiya [Proper names in the language system: monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2015.
5. Urazmetova A. V. Angliiskaya toponimika kak leksicheskaya podsystema yazyka (na mat-le toponimicheskoi leksiki Velikobritanii i SShA): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2016.
6. Matveev A. K. Voprosy yazykoznaniya. 1993. No. 3. Pp. 86–95.
7. Matveev A. K. Onomatologiya [Onomatology]. Otd-e ist.-filol. nauk RAN. Moscow: Nauka, 2006.
8. Kabinina N. V. Voprosy yazykoznaniya. 2009. No. 1. Pp. 111–117.
9. Kabinina N. V. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2011. No. 3(15). Pp. 17–24.
10. Karypkina Yu. N. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Magister Dixit. 2011. Pp. 124–140.
11. Il'ish B. A. Istoriya angliiskogo yazyka [History of English]. 5 ed. ispr. i dop. Moscow: «Vysshaya shkola», 1968.
12. Trubachev O. N. Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the Ancient Slavs: Linguistic studies]. 2 ed. dop. Moscow: Nauka, 2002.
13. Kuz'menko Yu. K. Indoevropeskoe yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya. 2013. No. 17. Pp. 511–535.
14. Gornung B. V., Levin V. D., Sidorov V. N. Voprosy yazykoznaniya. 1952. No. 1. Pp. 41–64.
15. Hirt H. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache: Darstellung des deutschen Wortschatzes in geschichtlicher Entwicklung / Von Herman Hirt. 2. verb. u. verm. Aufl. München, 1921.
16. Kuhn H. Westfälische Forschungen 12. 1959. Pp. 5–44.
17. Kuhn H. Völker zwischen Germanen und Kelten: Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördl. Westdeutschlands um Christi Geburt / Rolf Hachmann; Georg Kossack; Hans Kuhn. Neumünster: Karl Wachholz, 1962.

18. Meid W. Hans Kuhns „Nordwestblock“-Hypothese: zur Problematik der „Völker zwischen Germanen und Kelten“. Wien: Verlag der Österr. Akademie der Wissenschaften, 1984.
19. Udol'f. Yu. Etimologiya. 1997–1999. Moscow: Nauka, 2000. Pp. 185–191.
20. Gysseling M. Toponymisch Woordenboek van Belgie, Nederland, Luxemburg en West-Duitsland (vóór 1226). Bd 1–2. Tongeren, 1960.
21. Neumann G. Namenstudien zum Altgermanischen. Herausgegeben von Heinrich Hettrich und Astrid van Nahl. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2008. Pp. 3–25.
22. Meillet A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages] / per. D. Kudryavskogo. M.-L.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1938.
23. Udolph J. Namenkundliche Studien zum Germanenproblem / von Jürgen Udolph. Berlin/New York: de Gruyter, 1994.
24. Timmermann U. Namenwelten. Orts- und Personennamen in historischer Sicht. Herausgegeben von Astrid van Nahl, Lennart Elmevik und Stefan Brink. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2004. Pp. 333–358.
25. Dittmaier H. Das apa-Problem. Untersuchungen eines westeuropäischen Flussnamentypus. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1955.
26. Schmid W. P. Linguisticae Scientiae Collectanea: ausgewählte Schriften von Wolfgang P. Schmid. Anlässlich seines 65. Geburtstages hrsg. von Joachim Becker ... Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994.
27. Gerullis G. Die altpreußische Ortsnamen gesammelt und sprachlich behandelt. Berlin; Leipzig: Vereinigung wiss. Verleger, 1922.
28. Nevskaya L. G. Balto-slavyanskii sbornik. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 315–373.
29. Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden: Harrsowitz, 1964.

Received 14.10.2019.